* * *

1. Veber M. Osnovnye sociologicheskie ponjatija // Veber M. Izbrannye proizvedenija. M.: Progress, 1990. S. 602–643.

2. Gureeva A.A. Sociokommunikativnye harakteristiki jazykovoj lichnosti perevodchika (na materiale russkogo i anglijskogo jazykov): dis. … kand. filol. nauk: 10.02.19 / VGSPU. Volgograd, 2014.

3. Demidova T.V. Jazykovaja lichnost' v jekskursionno-diskursivnoj dejatel'nosti. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-lichnost-v-ekskursionno-diskursivnoy-deyatelnosti.

4. Mitjagina V.A. Sociokul'turnye harakteristiki kommunikativnogo dejstvija: monografija. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2007.

5. Mitjagina V.A. Tip kommunikativnogo dejstvija v diskurse: verifikacija v ramkah zhanra // Vestnik VolGU. Ser. 2. Jazykoznanie. 2008. № 1 (7). S. 116–119.

6. Mitjagina V.A. Kommunikativnye dejstvija v turisticheskom diskurse // Inostrannye jazyki v vysshej shkole. 2009. Vyp. 4 (11). S. 88–97.

7. Novikova Je.Ju. Jekskursionnoe obsluzhivanie kak ob#ekt professional'noj perevodcheskoj dejatel'nosti v ramkah turisticheskogo diskursa. URL: http://bonjour.sgu.ru/sites/default/files/08_novikova.pdf.

Typology of communicative actions in the excursion discourse

There is described the typology of communicative actions in the excursion discourse from the positions of the communicative and pragmatic approach to the analysis of a professional interpreter tour guide. There is illustrated the implementation of various strategies of communicative actions of an interpreter tour guide based on the English and German languages and explained the verbal verification of the strategies by the discourse-conditioned sociocultural peculiarities.

Key words: *excursion discourse, tour, interpreter tour guide, communicative action, strategies.*

(Статья поступила в редакцию 18.09.2015)

Е.И. АЛЕЩЕНКО
(Волгоград)

ФОЛЬКЛОРНЫЙ ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ-КАЗАЧКИ КАК ВОПЛОЩЕНИЕ СТЕРЕОТИПОВ КАЗАЧЬЕГО СОЦИУМА

Рассматриваются отразившиеся в народной сказке представления о женщине-казачке: ее характере, личных качествах, взаимоотношениях с мужем. Устанавливается влияние экстралингвистических факторов на формирование подобных взглядов. Анализируются их неоднозначность и противоречивость, проявляющиеся в преломлении через призму фольклорной сказки.

Ключевые слова: *казачья народная сказка, менталитет, фольклорная картина мира, социальная роль женщины, гендерный стереотип.*

Исследование ментальных представлений о роли женщины в обществе представляет интерес в любое время. Женский вопрос в том или ином виде поднимался в самые различные периоды существования социума, в том числе и российского. Тем важнее сегодня обратиться к историческим корням нашего народа и проследить, каково же было общественное положение женщины на Руси много веков назад и как отразилось отношение к ней в фольклоре – богатейшем хранилище мудрости наших предков, обратив при этом особое внимание на фольклор сказочный.

В казачьей среде складываются стереотипы, которые приписываются женскому характеру. Особый интерес представляет их отражение в сказочном фольклоре.

Основной проблемой гендерных отношений в языке является не столько репрезентация маскулинности и фемининности как культурных концептов, сколько доминирующая андроцентричность языка, которая проявляется в трансляции языком мужской языковой картины мира. Наивная картина мира, вербализованная в языке, представляется через восприятие человека-мужчины [1, с. 134]. Народное воображение создает образ русской женщины, который воплощает в себе основные черты национального характера и является неотъемлемой частью русского народного творчества.

© Алещенко Е.И., 2015

Фольклорный образ всегда имеет абсолютную завершенность и тяготеет к обобщенности.

В русских народных сказках обнаруживается не индивидуальный образ той или иной женщины, а образ собирательный, который включает в себя черты внешности, особенности характера и поведения и даже может отражать социальный статус женщины. Но единство такого образа складывается из множества деталей, рассыпанных по многочисленным фольклорным текстам разных жанров, каждый из которых создает культурно-исторический фон, где проявляются типичные черты данного образа. В сказке, как одном из самых древних фольклорных жанров, отразилось положение женщины как при родовом строе, так и после его разрушения. В условиях родового строя не было главенства мужа над женой, а тем более жестокого отношения к ней, т. к. не существовало имущественного неравенства между ними. Кроме того, в ту пору еще жива была память о матриархате – периоде в истории человечества, когда основную роль в повседневной жизни играли психические качества, присущие именно женщинам: уравновешенность, рассудительность, стремление умножать и хранить, а не разрушать. Разделение труда между ними, вероятно, было тем же, что и сегодня, ведь такой же была разница в их физических возможностях. Но в этот период мужчина считал себя не повелителем и господином женщины, а ее хранителем и защитником, т. к. женщина расценивалась как своего рода «золотой фонд» человечества [7, с. 246].

Казаки всегда подчеркивали свою особенность по сравнению с «мужиками», и положение женщины-казачки также рисовалось как исключительное. Казачка привлекает своей силой и независимостью, безоглядностью и жертвенностью в любви. Она, как правило, хорошая хозяйка, на которой держится дом и семья. Однако, несмотря на то, что казачка могла в особых случаях высказываться на круге, получать поддержку от самого атамана, была в состоянии управляться со всем хозяйством, т. к. казаки большую часть времени пребывали в военных походах, она нередко подвергалась унижениям и побоям со стороны собственного мужа. Тем не менее, судя по казачьему сказочному фольклору, женщине-казачке присущи особые черты характера. Одна из них – бойкость, уверенность в себе, храбрость: *В той же станице жила дочка атамана Дарья. И личиком бела,* ***и с очей весела. Огонь-девка,*** *живому черту глаза колет. Отцова любимица. Вздыхал атаман: «Эх,* ***жаль, что девка. Такой бы казак вышел»*** (Горе-злосчастие).

Как видим, такие черты считаются присущими мужчине, а потому составляют честь женщине: *Догнала Дарья каменную девку, о Кузе спрашивает. Приподняла каменная девка каменные веки:* ***храбра казачка, не убоялась ее*** (Горе-злосчастие).

Следует отметить, что, хотя родители такой дочерью могут гордиться *(Вздыхал атаман: «****Эх, жаль, что девка. Такой бы казак вышел****». Сватов отгонял, свою дочку высоко ставил. Хотел мужа ей найти, чтоб по ней был* (Горе-злосчастие)), в сказке отражается казачье представление о том, что сына иметь лучше, чем дочь: *Жена принесла ему двойню: мальчика и девочку. Подошел он к сыну. Тот плачет-заливается. Махнул рукой – не в его породу, а* ***на дочку и смотреть не стал*** (Митяй – казак бесстрашный).

Мать Миньки вздыхала горестно.

– ***У всех дети как дети, а мой сынок заполошенный.***

– Опять заялдычила, – досадовал отец, – ***ты на своих дочек возлюбленных посмотри*** (Жогша).

Казачки и сами могут созывать круг. В сказке «Виноградная лоза» они осуждают Полину, которая «перевела всех казаков», которые пытались добиться ее благосклонности:

Собралися казачки в круг. Лопнуло их терпение. Стали совет держать. Кричат: «Ей-то полгоря, а нам каково? Была бы война, а то так, не за ломаный грош извела казаков. Обуздать ее так, чтоб лихоматом ревела».

Порешили бабы согнать Полину со станицы. И каменьями побить.

Решили – так и сделали.

Излишняя гордость казачки осуждается, даже если та красива и может позволить себе отвергать женихов: *В одной станице жила-была девица по имени Полина. До чего ж красовитая! И гордейка такая, что свет не видывал.* ***А во всякой гордости черту много радости*** (Виноградная лоза). *А Полина новые каверзы придумывает. Одна хлеще другой. Откель они ей в голову приходили.* ***Вот такая была девица: черта слопает да лешаком закусит и не поперхнется*** (Виноградная лоза).

Примечательно, что сами казачки покорны женской судьбе – выходить замуж и рожать детей, даже если это приводит к потере былой красоты: *Раз встречает Полину подружка. Вместе когда-то хороводили да венками менялись. Та уж замужем давно. Сын ее, Афо-*

ня, у подола вертится. Подружка говорит: – И старость тебя не берет. Смотри, как я усохла. Засмеялась Полина, собой довольна. – Шелк не рвется, булат не сечется, красно золото не ржавеет. – ***Все до поры, – говорит подруга, – вянет и красный цвет. Нечего капризы выставлять. Наше дело – детей рожать. Пора тебе и преклониться к комунибудь*** (Виноградная лоза).

Мнение сказки по этому поводу однозначно: *И зажили они счастливо. Детишек у них много было. Какое счастье без детишек-то?* (Лобаста).

Именно это видится счастливым сказочным финалом. Но первенство отдается сказкой, разумеется, мужчине, казаку: *А у самого душа заныла. «И что ж такое делается на белом свете? Ну погоди, бабья порода! Я тебя плеточкой, ишо мозги прочищу»* (Лихо одноглазое).

Казачки работящи и привычны к любой работе, ведь мужей часто не было дома, они отправлялись в военные походы.

Расстроился Тишка. «Пойду, – думает, – к Лизаньке наведаюсь, к суженой своей».

А у Лизаньки та же картина.

– Иди, – говорит, – отсель, знать тебя не знаю и знать не хочу. А Тишку твоего ненавижу всей душой, потому как знаю, с кем на службе прохлаждался. Вот и сгиб ни за грош. А я его так любила...

– Да вот я, живой, здоровый, – говорит Тишка.

– ***Иди, казачок, отсель подобру, а то неровен час до беды-то.***

Лизанька девушка была крупная, в поле за троих казаков управлялась. Тишка опасливо посмотрел на нее. «А ведь правда, долго ли до беды...» – И подался к калитке. *А Лизанька ему вслед:*

– Наплевать мне на твоего Тишку и растереть. Я за Ваську Косого замуж собралася. – И в рев: – Ох, лихо мне, лихо!

Тишка ей из-за плетня:

– Тоже мне казака нашла! Тьфу, срамота! (Лихо одноглазое).

Как видим, в казачьих сказках ценится боевитость казачки, но в сюжетах о сварливой жене непокорство осуждается. Подобные героини могут стать несчастьем всей жизни супруга. Но в казачьей сказке с подобным сюжетом встречается неожиданный финал: муж сам хочет вернуть жену, он скучает без ссор с ней.

Домой вернулся довольный. Отоспался. Отъелся. Вроде бы жизнью довольным надо быть. Так нет, ***какая-то на сердце маета.*** *Сник казак. Телом опал. Усы отвисли. «Промашка у меня в этой жизни вышла, – думает. – Пойду в яму сам брошусь.* ***Все равно без нее не житье****». Подошел к яме. Пригорюнился.*

– Соловушка, – говорит, – ты моя певучая, не слыхать мне более твово голосочка.

Только было собрался, слышит – гул в яме стоит. Крики. То ли кто плачет, то ли кричит не своим голосом. Выскакивает из ямы черт. Шерсть клочьями, хвост поджат. Плачет, слезы размазывает.

– ***Забери свою жену, – говорит. – Нет нам житья в нашей преисподней. Ад кромешный. Мы тебе впридачу золота дадим. Сколько хочешь.***

Обрадовался казак.

– Не надо мне золота, отдайте мне мою женушку. Так мне без нее пусто на сердце! (Своенравная жена).

Женитьба почитается у казаков серьезным делом, она естественно следует за отданным царю и Отечеству долгом – действительной службой. Без родительского благословения она немыслима. А молодая хозяйка в семье необходима, т. к. старуха-мать теряет силы и не может сама управляться по дому. Казак, который не выбрал невесту в своей станице, имел мало шансов найти ее в другой, т. к. в подобном случае дочерей отдавали неохотно. В таком важном деле необходимо обратиться к Богу с молитвой о помощи. А ту невесту, которая уготована судьбой, невозможно «миновать». Рисуется и достоверная сцена из семейной жизни: как с применением некоторых уловок мать жениха настаивает на своем, да еще при этом поворачивает дело так, будто именно так хочет муж.

Невесту казак иной раз забирает силой, причем речь идет не о пленницах.

Вот сидит. ***Заговорило у него ретивое.*** *Захотел он порешить дело в один прием.*

– Проводи меня, раскрасавица, до крыльца, чтой-то я намахорился, проветриться надоть.

Довела шинкарочка его до крыльца. Ухватил ее Митяй. Бросил поперек седла. Гикнул. И был таков. Льет шинкарочка слезы, голосит по отцу-матери, по милому дружку.

– ***Умру я, девка, в чужедальней стороне, неоплаканная... Ты не жди меня, миленький, в глухую ночь... Ты не жди меня, хорошенький, на белой заре... Чему быть – так верно сбудется...***

Не слушает ее Митяй, коня торопит*.*

– Може, – говорит, – на свое счастье едешь.

Вернулся казак домой с молодой женой. Раскрасавицей. Тока печальной больно да молчаливой (Митяй – казак бесстрашный).

И снова здесь главное – решение казака. Приводится в сказке и плач невесты, увезенной на чужую сторонку насильно.

При этом девушка-казачка должна «блюсти себя», а казак не уступает ей в решительности, а иной раз и упрямстве, стараясь добиться цели.

Время пришло, понравилась Миньке девица по имени Татьяна. Бывало, сколько разов мимо нее проходил и ничего, ***не появлялось у Миньки на сердце сладкого щемления.*** *А увидел-разглядел он ее на игрищах. Стояла Татьяна у дерева, ядреная да румяная, залюбуешься.*

Подошел к ней Минька.

– Эх, щечки, – говорит, – точно яблоки. Поди ж и твердые такие. Дай потрогаю. ***Татьяна ему эту вольность не спустила.***

– Уйди, шабол! – говорит. – Куды руки тянешь? Не твое – не трожь!

– Дай срок.

Посмеялся Минька, однако ж ***встрепыхнулось его сердце. Не привыкший казак отступать. Если с одного бока отлуп получил, он с другого зайдет.*** *Добился он-таки татьяниного расположения и любви до самого конца жизни* (Оборотень).

И если казачка горда и неприступна, казак не желает сдаваться:

Сколько она молодых парней сгубила, трудно и сосчитать. Казачины в летах, особенно вдовые, и те пытались счастья у нее искать. Да где там! Как только казак начинает около ее окон ходить, глаза мозолить, она ему сразу задачку неисполнимую задает. Разводит руками казак: мыслимо ли дело такой каприз сполнить. ***А она смеется: любишь-де – сполнишь. Посмотрим, какая твоя любовь на проверку выйдет. Взыграет в казаке ретивое. Кровь в лицо кинется. Казак – он и есть казак. Он не мужик: для него девица – крепость, ее надо завоевать или голову сложить.***

И все: пропал казак (Виноградная лоза).

Безусловно, это характеризует скорее казака, чем казачку, но в приведенной сказке такое поведение невесты однозначно осуждается: она не просто выбирает, а играет судьбами женихов. И здесь нельзя не учитывать особенности натуры казака, о которой говорилось выше. Он не привык отступать, а еще больше его подзадоривает то, что его противником выступает женщина. Он считает бесчестьем не завоевать понравившуюся девушку и не справиться с женой, т.е. не настоять на своем. И в семье, разумеется, хочет показать свое главенство.

Выражает сказка и такое мнение о девицах на выданье:

Приехал тут в станицу один пронзительный офицер. Встал на постой. Видать, ему паек хороший шел, вот и баловался с девками. Словесами их улещивал да охаживал. А ***девки, известное дело, глупы, как перепелки, на разговор идут*** (Виноградная лоза).

Есть в казачьем фольклоре традиционные сказки о своенравной жене, которые характеризуют не только жену, но и мужа-казака, который сумел справиться с ней не силой, а смекалкой. Сказка «Своенравная жена» имеет сюжет, аналогичный русской народной сказке «Брито – стрижено». Героиня ее успела побывать в пекле, откуда ее умоляли забрать обратно сами черти, но весьма примечателен финал сказки: *Подумал Игнат. Ус потеребил. И говорит: – Этому горю только жена моя поможет. Счас, – говорит, я с ней словом обмолвлюсь, только в разговор не влипай. Жена, – кричит, – кум приехал, в гости зовет, да мне что-то не больно хочется. А та в ответ: – Еще чего! Надо поехать, если зовет. Не чужиеть. – Ладно, – соглашается Игнат, – тогда я один поеду. А ты останешься. За хозяйством присмотришь. – Еще чего. Вместе поедем. За хозяйством соседка присмотрит. Слушает кум, удивляется* (Своенравная жена).

Таким образом, в казачке должны сочетаться боевитось и покорность. Это вполне объяснимо: покорности от жены требовали испокон веков и не только в русской традиции, но казачке иной раз приходилось заменять мужчину, ведь казаки много времени проводили в военных походах. Тогда и могли пригодиться сугубо мужские качества. По той же причине – частого отсутствия мужей дома – так ценились у казаков верность, преданность, жертвенность супруги. В казачке ценят верность и умение хранить любовь, несмотря ни на что.

– Где Татьяна?

– Дома. Обморок ее накрыл. Еле оттрясли. Говорила я тебе: не связывайся с Жогшей.

Махнул рукой Минька, что, мол, теперича рассуждать, встал, оделся и к Татьяне пошел.

А та, как его завидела, прочь со двора погнала:

– Терпеть тебя ненавижу как!

*«****Знать, любовь твоя невысокая была****», – подумал Минька и поплелся восвояси* (Жогша).

Ярчайшим примером является казачья сказка «Огненный змей», в которой мы читаем плач казачки по погибшему мужу: *Села около него казачка и в голос закричала: – Друг ты мой милый, любимый! Болечка кровный, привалил ты мое сердечушко гробовым камнем тяжелым. Засохну я без тебя, желанный мой, как былинка одинокая! Запекутся, поприсохнут губы мои, не целуючи тебя, ненаглядный мой! И змеей тоска сосет сердечушко мое! Так бы и лег в сыру землю, так бы и расшибся о камень в степи немой! Горькая я кукушка в зеленом садочке...*

В этом плаче звучит тоска казачки по оставившему ее одну на свете супругу, без которого она не мыслит жизни, и вдова готова отдать все, чтобы спасти его. В приведенной сказке изображается еще одно присущее казачке качество – жертвенность. Ради спасения мужа она отдает то, что так важно для женщины – молодость и красоту, при этом даже согласна остаться неузнанной им.

Казачка даже после смерти своей может помогать любимому.

... Целый день промаялся, обтомился душой. Решил Катерину ждать.

В полночь приходит она к нему. И за собой манит. Встал Ларька молча, чтобы словом ее не спугнуть и пошел за ней. К озеру подошли. Ларька за руку ее взял, и они вместе в воду ступили. Идут-идут. Друг на дружку смотрят. Вода уж до пояса дошла. Вот уже грудь холодит. ***Не страшно Ларьке. Хорошо ему на душе, спокойно...***

...Говорили люди, ***объявились в дальней станице муж и жена, очень схожие собою на Ларьку и Катерину*** (Лебедь).

Иногда в сказке казачка и ее любовь служат своеобразной проверкой и для казака: отречется он от своих чувств или станет добиваться любимой и, что бы ни случилось, не откажется от нее.

Испугалась девица и в бега. Ларька за ней. Никак не угонится. Добежала Катерина до озера. В воду вошла и к себе Ларьку манит. Боязно казаку стало. А Катерина еще глубже в воду вошла. Обернулась, поманила Ларьку. Ступил казак в воду, дальше не может, страх забирает. Застонала Катерина, заплакала и под водой скрылась.

Вернулся назад Ларька. Какой уж тут сон! Одни муки. И за себя казаку стыдно – невысока его любовь (Лебедь).

Фраза «невысока любовь (чья)» неоднократно встречается в казачьих сказках. Любовь нуждается в проверке. Лишь тогда можно судить о том, настоящая ли она. Подобный сюжет наблюдается в казачьей сказке «Лобаста».

Всю ночь не спал Дрон, под утро забылся. Глаза открыл. А перед ним девица вчерашняя стоит. И шепчет что-то беззвучно. Не по себе казаку стало. В пот ударило. Вскочил с полости. Как закричит: – Ах ты, ведьма проклятая!

И плетью замахнулся. Да рука не опустилась. ***Может, и ведьма. Только красоты писаной. Стоит, смотрит, глаза не отводит. А глаза глубокие, большие. Замерло сердце у казака, голова закружилась. «Неужто, – думает, – я себя не переборю»****. Развернулся круто. И на коня. Отъехал недалеко. Оглянулся. А она следом идет. Он коня в шенкеля – и ходу. Потом думает: «****Негоже казаку от девицы бегством спасаться»*** (Лобаста).

В начале сказки есть элементы этнокультурной информации: казак выводит привезенную невесту на круг и сообщает о своем намерении жениться, хотя оно и не вызывает возражений: подчеркивается, что здесь главное – желание самого казака. Однако, когда жена начинает вести себя странно: молчит и не желает сменить своей одежды из шкур, начинаются разговоры, мужу приходится оправдываться, хотя он, как говорит сказка, и сам не знает, чего стыдится. Заметим, что «приблудная» девка, по словам станичников, тоже не к чести казака, хотя «с походу» взять невесту не зазорно, но в этом случае она рассматривается как трофей, а в ситуации, описанной в сказке, ее происхождение и вовсе не известно, а это, как можем судить, у казаков не одобряется. В подобной ситуации требуется определенность: привезенная и введенная в дом девушка расценивалась как невеста:

Приветили родители Аленушку с Иванушкой, в хату ввели. Народ тут сбежался. И пошли обнимания да целования, поздравления с благополучным прибытием, тары-бары-растабары, то о том, то о другом. А потом за стол сели и по свычаю чарочка загуляла. Выпили маленькую толику. Спрашивают Завьяла:

– ***Девку-то с похода взял или убегом****?*

Улыбается казак:

– Где взял, там уж нет.

– ***На свадьбу-то когда приглашения дожидаться?***

– ***Да у нас начистоту дело, – отвечает Завьял с неохотцей*** (Сестрица Аленушка и братец Иванушка).

Но подлинная «проверка» любви происходит с развитием сказочного сюжета. Как про-

исходит и в других народных сказках на подобные сюжеты, Дрон уничтожает шкуры, в которых ходит жена, а она признается в ответ, что теперь должна его покинуть:

– Эх, Дрон, Дрон, погубил ты меня на веки вечные... Не дождался ты всего три дня и три ночи...

И как вздохнет тяжело. Слезы катятся. От горести и обиды. – ***Не любил ты меня, Дрон, жалел только – вот твоя вина.*** *Прости, – говорит, – и прощай, любимый, навсегда* (Лобаста).

Как видим, сказка пытается дать ответ на вопрос, что же такое настоящая любовь. Женщина понимает разницу между «любить» и «жалеть» более тонко. Однако казак чувствует, что не может жить без жены, и отправляется на поиски. Попадая в тяжелые ситуации, он дважды сожалеет, что отправился в путь, и дважды Лобаста прощает его за то, что отступился. На третий раз казак решает не отступать.

«Все, – думает, – ***не человек я после этого. Смерть свою и то принять не могу. Эх, Дрон, Дрон, грош тебе цена****».*

Поднялся и пошел Лобасту искать, ***душой крепкий и в себе уверенный.*** *А ручеек тот разлился в речку. Вдруг накатила на него волна. Сбила с ног и потащила к морю-океану. Борется Дрон как может. Плывет. Да из сил быстро выбился. Чувствует, конец ему приходит. Собрался с духом и крикнул:*

– Прощай, дорогая, навсегда! Только напоследки объявись. ***Не отступился я от тебя.***

Очнулся Дрон. Что такое? Лежит он на своем дворе. В руках шашка. Рядом шкуры лежат посеченные. А на крыльце жена стоит. Раскрасавица. Слов нет, до чего пригожая. Разодетая так, что твоя княжна. В ноги ему кланяется и говорит:

– Спасибо тебе, Дрон, муж мой разлюбезный, ***спасла меня твоя любовь.***

А Дрон понять ничего не может. Во сне то было с ним, что приключилось, иль наяву.

– ***Тебе спасибо, – говорит, – что любить меня научила*** (Лобаста).

Как видим, сказка учит тому, что любовь неразрывно связана с верностью и преданностью. Качество это ценно и для мужчины тоже, а не только для женщины, однако женщина способна вызвать в нем стремление быть сильным, защитником, уметь преодолевать себя и «не отступаться», подобно тому, как бывает, когда казак завоевывает понравившуюся девушку. И в этом снова проявляется ценность женщины. Приписываемые казачке сказкой черты показаны в таблице ниже.

Как видим, отразившиеся в казачьих сказках женские черты сходны с теми, которые описываются в русских народных.

Параметр сравнения	Дочь	Невеста	Сестра	Мать	Жена
Внешность	Красавица	Красавица	Красавица	Внешность не описывается	Может быть и красивой, и некрасивой
Черты характера	Либо кроткая, либо бойкая	Гордая, знает себе цену, умеет за себя постоять, порой капризна и разборчива, задает трудные или невыполнимые задачи	Добрая, беззащитная, работящая	Мудрая, любит своих детей, трудолюбивая	Верная, готовая на все ради любимого, может быть своенравной
Роль в жизни мужчины-казака	Отец гордится ею и бережет	Является для жениха крепостью, которую нужно покорить, суженая, которая должна составить его счастье	Помощница и в то же время нуждающаяся в помощи	Та, которая всегда любит его и ждет, кого он почитает	Плохая жена или жена с каким-либо изъяном может стать несчастьем всей жизни, а верная и любящая спасает даже после своей смерти
Отношение к ней, переданное в сказке	Не должна нарушать волю родителей	Не должна быть слишком гордой, отвергать всех женихов или нарочно изводить их невыполнимыми заданиями	Должна помогать брату, опекать его, если он младше, но при этом и к нему прислушиваться	Всегда добрая и понимающая, любящая	Должна быть покорна мужу, но при необходимости суметь и заменить его, быть ему верной и преданной

При этом можно утверждать, что аксиологическая составляющая фольклорного концепта «Женщина», вербализованного в казачьих сказках, имеет отличие от соответствующего элемента, нашедшего отражение в русских народных сказках. Это одобрение отчаянного нрава и одновременно полной покорности мужу. В русских народных сказках одобряются смирение и кротость. В остальном же аксиологические составляющие концепта в казачьих и других народных сказках совпадают.

Список литературы

1. Брысина Е.В. Этнокультурная идиоматика донского казачества. Волгоград: Перемена, 2003.
2. Донские казачьи сказки, предания, легенды, бывальщины / сост. В.В. Когитин. Волгоград: ПринТерра, 2009.
3. Казачьи сказки [Электронный ресурс]. URL: http://vsemirniysledopyt.ru/b/160993/read.
4. Народные сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. М.: Наука, 1984–1985.
5. Мифы народов мира: энцикл.: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Сов. энцикл., 2003.
6. Русская мифология: энцикл. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2005.
7. Семенова М. Мы – славяне! СПб., 2005.
8. Славянская мифология: энцикл. словарь / отв. ред. С.М. Толстая. М.: Междунар. отношения, 2002.
9. Славянские древности: этнолингв. словарь: в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. Т. 1: А–Г. М., 1995.
10. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Академ. Проект, 2004.
11. Шапарова Н.С. Краткая энциклопедия славянской мифологии. М.: Астрель: АСТ: Рус. словари, 2003.

* * *

1. Brysina E.V. Jetnokul'turnaja idiomatika donskogo kazachestva. Volgograd: Peremena, 2003.
2. Donskie kazach'i skazki, predanija, legendy, byval'shhiny / sost. V.V. Kogitin. Volgograd: PrinTerra, 2009.
3. Kazach'i skazki [Jelektronnyj resurs]. URL: http://vsemirniysledopyt.ru/b/160993/read.
4. Narodnye skazki A.N. Afanas'eva: v 3 t. M.: Nauka, 1984–1985.
5. Mify narodov mira: jencikl.: v 2 t. / gl. red. S.A. Tokarev. M.: Sov. jencikl., 2003.
6. Russkaja mifologija: jencikl. M.: Jeksmo; SPb.: Midgard, 2005.
7. Semenova M. My – slavjane! SPb., 2005.
8. Slavjanskaja mifologija: jencikl. slovar' / otv. red. S.M. Tolstaja. M.: Mezhdunar. otnoshenija, 2002.
9. Slavjanskie drevnosti: jetnolingv. slovar': v 5 t. / pod red. N.I. Tolstogo. T. 1: A–G. M., 1995.
10. Stepanov Ju.S. Konstanty: slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovanija. M.: Akadem. Proekt, 2004.
11. Shaparova N.S. Kratkaja jenciklopedija slavjanskoj mifologii. M.: Astrel': AST: Rus. slovari, 2003.

Folklore image of a Cossack woman as the incarnation of Cossack society stereotypes

There are considered the notions about a Cossack woman reflected in folk tales: her character, personal qualities, relations with her husband. There is stated the influence of extralinguistic factors on such views. There is analyzed its ambiguity and discrepancy which are obvious in a folk tale.

Key words: *Cossack folk tale, mentality, folklore world picture, social role of a woman, gender stereotype.*

(Статья поступила в редакцию 18.09.2015)

М.А. ЧЕРНЫХ
(Владимир)

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ-НОМИНАЦИЙ ЛИЦ ПО ПРОФЕССИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XXI в.

Работа продолжает ряд современных исследований, обращенных к изучению теории номинаций, а также вносит определенный вклад в разработку теории сочетаемости единиц в системе современного русского языка. Сделана первая попытка комплексного лексикографического описания лексической сочетаемости имен существительных-номинаций лиц по профессии в современном русском языке XXI в.

Ключевые слова: *номинации лиц по профессии, сочетаемость, лексикографическое описание, проект словарной статьи, словарь сочетаемости.*

Одним из актуальных вопросов современной теории сочетаемости единиц в речи являются лексикографическая фиксация и комплексное описание сочетательных (синтагматиче-

© Черных М.А., 2015